К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ПСИХОЛОГИ В ГОДЫ ВОЙНЫ: ПОДВИГ НА ВЕКА

Кольцова В.А., Олейник Ю.И.

Впервые опубликовано в журнале «Знание. Понимание. Умение». 2005. №2. С.40-51

60 лет отделяют нас от того исторического момента, когда отзвучали залпы Второй мировой войны, самой жестокой и кровопролитной изо всех войн, когда-либо переживаемых человечеством. Война явилась проверкой сил и дееспособности всех народов, участвующих в этой битве, суровым испытанием для каждого участника тех трагических событий. Борьба с врагом потребовала предельной мобилизации всех материальных ресурсов воюющих государств, их духовного и интеллектуального потенциала.

Большую роль в разгроме врага сыграла наука, явившаяся важным фактором отражения агрессии, повышения боеспособности и обеспечения высокого морального духа общества. И сегодня в год святого для каждого человека нашей страны дня – юбилея Великой победы – мы отдаем дань памяти нашим коллегам, психологам, которые в трудных условиях военного времени с честью выполнили свой гражданский и человеческий долг, не только сохранили, но и приумножили потенциалы психологической науки, раскрыли ее огромные возможности как в научном познании психики, так и в сфере психологической практики.

Обращение к этому периоду в развитии отечественной психологии имеет не только исторический интерес, но и представляется актуальным для современной психологической науки, позволяя выявить особенности и механизмы функционирования науки в экстремальных условиях. Оно показывает, сколь действенными и продуктивными могут быть прикладные и фундаментальные научные разработки, когда они направлены на решение общественно-значимых задач, оказываются своевременно востребованными и социально поддерживаемыми. Это служит убедительным опровержением нигилистических взглядов на науку и ее возможности в развитии общества, характерных для отдельных современных политических деятелей.

В ходе исследования мы попытались воссоздать документальную историю психологии военных лет, используя для этого широкую совокупность источников: государственные нормативные документы, научные труды и практические разработки, учебно-методическую литературу по психологии. Наряду с опубликованными, использовались и малоизвестные архивные документы, в первую очередь материалы личных фондов психологов, включающие их научные и практические разработки, воспоминания, эпистолярное наследие.

Война коренным образом преобразовала все сферы жизнедеятельности общества. «Все силы народа – на разгром врага». Такова была цель, сформулированная 3 июня 1941 г. в выступлении Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина и объединившая весь народ в борьбе за защиту Отечества.

Научная интеллигенция активно включились в общенародную борьбу с агрессором.

Уже 28 июня 1941 г. Академия Наук СССР обратилась к ученым с призывом направить все силы для защиты человеческой культуры от «коричневой чумы». В воззвании говорилось: «В этот час решительного боя советские ученые идут со своим народом, отдавая все силы борьбе с фашистскими поджигателями войны – во имя защиты своей Родины и во имя зашиты мировой науки и спасения культуры, служащей всему человечеству». Ответом на этот призыв стали решения сессий Академии Наук, подчеркивающие, что практическое обслуживание нужд фронта является основной целью деятельности ученых.

Вспоминая о первых днях войны, А.Р. Лурия писал: «Чувство общей ответственности и общей цели охватило всю страну. Каждый из нас знал, что мы обязаны объединиться с нашими соотечественниками, чтобы противостоять смертельной опасности. Каждый из нас должен

был найти свое место в этой борьбе – или непосредственно защищая свою страну, или работая в оборонной промышленности, которая была эвакуирована в отдаленные районы страны, или восстанавливая здоровье и трудоспособность раненых» [1].

Изменения затронули все аспекты существования и функционирования науки: организационную структуру, направления работы и тематику исследований, формы практической деятельности, подготовку научных кадров.

Что же означал перевод психологии на «военные рельсы»?

Сворачивание в первый год войны деятельности ряда научных центров, их эвакуация вглубь страны, сокращение числа психологов, занятых непосредственно научно-исследовательской деятельностью, ставило перед необходимостью концентрации усилий научного сообщества на решении задач военного времени, что, в свою очередь, требовало *усиления прикладной ориентированности психологических разработок*. Это было связано также с тем, что база научных исследований перемещалась из стен институтов и лабораторий в практические учреждения – в госпиталя и клиники, в реальные трудовые и учебные коллективы. Соответственно ведущим критерием оценки результатов и основным ориентиром при планировании научно-исследовательской работы становятся ее *прикладная значимость и практическая эффективность*.

Существенно сокращались сроки научных разработок. Как писал прозаик В. Чалмаев, «годы были втиснуты в месяцы, недели спрессованы в часы» [2]. Это было обусловлено тем, что результаты исследований с нетерпением ожидали практические работники; от их оперативности зависела жизнь конкретных людей.

В военных условиях актуализировалось требование максимальной *открытости и доступности результатов исследований широкому кругу ученых и практических работников*. В этом отношении характерны слова Наркома здравоохранения Грузии С. Н. Мачавариани на совещании медицинских работников эвакогоспиталей Грузии летом 1942 г.: «Кое-кто из наших научных работников, – отмечал он, – еще не считает нужным немедленно делиться с общественностью всеми полученными... в процессе работы положительными фактами того или иного нововведения, применения того или иного препарата. Подобным «секретам» сейчас не должно быть места» [3].

Насущной потребностью становится усиление *взаимодействия ученых разных областей знания в целях повышения эффективности решаемых ими общих практических задач*. В психологии это особенно отчетливо проявлялось в разработке проблем восстановления психических функций при черепно-мозговых ранениях, осуществляющейся в тесном контакте с клиническими дисциплинами, что обеспечило комплексное изучение этих вопросов.

Характерно и то, что значительная часть проводимых в годы войны исследований должна была включать *полный, завершенный цикл разработки*: от теоретического обоснования через экспериментальную проверку и до практического внедрения.

Деятельность советских психологов в годы Великой Отечественной войны была многогранной и многоаспектной, включающей проведение научных исследований по оборонной тематике; работу в эвакогоспиталях по восстановлению здоровья раненых бойцов; психологическую подготовку кадров для тыла и армии; организацию санитарно-гигиенической и профилактической работы.

Многие психологи *непосредственно с оружием в руках на фронтах войны отстаивали независимость нашей Родины*. В их числе были такие известные ученые, как Г.М. Андреева, В.В. Богословский, А.В. Веденов, А.И. Галактионов, М.В. Гамезо, А.Д. Глоточкин, П.И. Зинченко, В.И. Кауфман, А.Г. Ковалев, В.Н. Колбановский, Е.С. Кузьмин, Г.Д. Луков, Н.С. Мансуров, М.Ф. Морозов, М.М. Нудельман, А.В. Петровский, К.К. Платонов, Я.А. Пономарев, П.А. Просецкий, М.С. Роговин, Ю.А. Самарин, Е.Н. Соколов, Б.И. Хотин, Ф.Н. Шемякин, Д.Б. Эльконин и многие другие.

Бесценным свидетельством жизни ученых и их ратного подвига являются письма с фронта. Так, П. И. Зинченко в мае 1942 г. в письме к А. Н. Леонтьеву писал: «Вот уже 7 месяцев, как я

оторвался... от прежнего круга дорогих для меня людей. Один только раз о психологах... напомнило мне сообщение в печати о награждении С. Л. Рубинштейна Сталинской премией... Сейчас я в действующей армии, заместитель командира саперной роты. Занимаюсь фортификацией и удивляюсь сам, что пока и это дело получается у меня неплохо» [4].

О сложностях фронтовой жизни свидетельствует и письмо Г. Д. Лукова, впоследствии одного из ведущих специалистов в области военной психологии: «Воюю я ... с первой половины июля 1941 года. За это время мне пришлось побывать на различных фронтах и входить в состав различных соединений... Во время войны я только одну ночь спал в нижнем белье и на постели, покрытой простыней. Ведь я безвыходно в передовой части. За это время мне приходилось активно передвигаться (пешком до 80 километров в сутки) и не менее активно находиться в неподвижном состоянии (по несколько часов). Я пережил отступление и наступление. Под большой бомбежкой с воздуха был несколько раз, под артиллерийским обстрелом много раз, а под ружейно-пулеметным огнем еще больше. Три авиабомбы... разорвались около меня в 18-15 метрах, на таком же расстоянии разорвалось штук 30 артиллерийских снарядов и сотни пуль чуть-чуть не задели меня (только один снайпер выпустил в меня 17 пуль и, все-таки, я обманул его). Случалось так, что я долго не ел, не спал и находился на холоде, в грязи, мок под дождем и жарился на солнце и в пыли. Мне приходилось и в атаку ходить, и под обстрелом противника читать лекции и доклады. Но я все еще жив... Таких “стариков” у нас мало и мы друг друга хорошо знаем» [4].

Военные воспоминания и фронтовые переживания навсегда запечатлелись в памяти ветеранов. Так, Ф. Н. Шемякин, воевавший с октября 1941 г. в составе 60 стрелковой дивизии, сформированной на основе дивизии Народного Ополчения г. Москвы, начиная очерки-воспоминания о своей деятельности во фронтовой разведке, указывает: «Я пишу эти «Очерки» как загипнотизированный. Я не люблю вспоминать о войне и давно не обращался к воспоминаниям о том, что я в те времена делал. Когда же я начал писать эти “очерки”, воспоминания встали передо мной как стена... как лес, из которого я не могу выбраться... Сейчас я в таком состоянии, что отложил в сторону свою работу над книгой о мышлении. Ни о чем другом, кроме этих «очерков», думать не могу. Картины встают перед глазами так, как будто я их переживаю вот теперь...» [5].

Психологи занимались строительством защитных сооружений; работали в тылу на производстве, в сельском хозяйстве, в области практического здравоохранения, внося своим героическим трудом важный вклад в победу над агрессором.

Формой практического участия психологов в деле защиты Отечества являлась консультационная работа и проведение военно-психологической экспертизы. Так, А.Л. Шнирман с 1941 г. являлся консультантом Наркома здравоохранения РСФСР; К. К. Платонов возглавлял Военно-врачебную комиссию 16 Воздушной армии, осуществлявшую экспертизу боеспособности летчиков, получивших ранения; А.Ц. Пуни был начальником кабинета лечебной физической культуры челюстно-лицевого госпиталя и консультантом Санитарного Управления Ленфронта.

Огромная работа проводилась психологами в эвакогоспиталях по восстановлению боеспособности и трудоспособности раненых. Б.Г. Ананьев работал в годы войны в неврологическом центре, созданном на базе госпиталя в Тбилиси и объединившем ряд научно-исследовательских кабинетов Академии наук Грузии, возглавляемых известными грузинскими психологами и физиологами Д.Н. Узнадзе, И. Бериташвили и другими.

Тыловой восстановительный госпиталь нейрохирургического профиля в первые месяцы войны был организован А.Р. Лурией в деревне Кисегач близ Челябинска. В последствие он вспоминал: «... Госпиталь был скромно оборудован нейрофизиологическими приборами, нейрохирургической аппаратурой и аппаратурой гистологической лаборатории. В таких условиях нам приходилось ставить диагнозы и лечить самые разнообразные нарушения психических функций, начиная с дефектов ощущений, восприятия и движения до нарушений интеллектуальных процессов. Выручала наша преданность делу» [6]. Вместе с А.Р. Лурия в госпитале работали Б.В. Зейгарник, С.Я. Рубинштейн, Э.С. Бейн, С.Г. Геллерштейн, В.М. Коган и

другие. В 1943 г. госпиталь был переведен в Москву, где ученые продолжили работу по восстановлению боеспособности и трудоспособности раненых.

А.Н. Леонтьев был организатором и научным руководителем эвакогоспиталя в поселке Кауровка недалеко от Свердловска. Вместе со своими коллегами – П.Я. Гальпериным, А.В. Запорожцем, В.С. Мерлиным, А.Г. Комм, Т.О. Гиневской он занимался восстановлением движений у раненых.

Известный психолог А. В. Ярмоленко, являясь помощником директора по научной части института слуха и речи и окончив курсы медсестер, в тяжелые блокадные дни работала в эвакогоспитале Ленинграда. В ее архиве сохранилась выписка из журнала взысканий и поощрений, из которой следует, что она дважды поощрялась командованием. Работа с ранеными не оставляла времени для научной деятельности и только в конце войны ей удается вернуться к занятиям наукой. В октябре 1943 г. она пишет своей подруге Каничевой в Самарканд: «Вчера я сделала доклад о слухорефлекторных поражениях. После 2-х лет 4-х месяцев перерыва вернулась к научной тематике. Прошло хорошо. Просят повторить» [7].

Продолжалась работа психологов и в учебных учреждениях. Г. Л. Соболев, автор труда о деятельности ленинградских ученых в годы войны, описывая события первой блокадной зимы 1941/42 гг., подчеркивал, что «работники Педагогического института им. Герцена, среди которых нужно в первую очередь назвать профессоров В.Н. Вернадского, С.Л. Рубинштейна и других, делали все возможное, чтобы жизнь в институте не замирала» [8]. И жизнь продолжалась: в 1942/ 1943 гг. в институте обучались 287 студентов и 26 аспирантов; в 1943/44 гг. – 811 студентов и 32 аспиранта, в том числе окончили институт в 1943 г. – 79 студентов и 5 аспирантов, в 1944 г. – 120 студентов и 6 аспирантов [9]. Как подчеркивает А.В. Брушлинский, «Рубинштейн добровольно остался в осажденном Ленинграде, потому что считал своим гражданским долгом в качестве проректора (при отсутствии ректора) организовывать работу Пединститута им. А. И. Герцена в суровых условиях вражеской блокады» [10].

В годы войны советская психология понесла большие потери. Погибли или умерли в тылу А. П. Болтунов, И. И. Волков, Н. К. Гусев, А. А. Дернова-Ярмоленко, Г. Лосев, П. С. Любимов, Ф. И. Музылев, Л. И. Шварц, С. Н. Шпильрейн, О. Эфрусси.

Вечная память ученым, отдавшим свою жизнь в борьбе с врагом.

Несмотря на чрезвычайно сложные условия, психологи демонстрировали *высочайшую эффективность научной деятельности*. Этому способствовали опора на богатый исторический опыт, накопленный отечественной психологией и использование результатов предвоенных наработок; высочайшая самоотдача и самоотверженность ученых; уменьшение идеологического давления на науку.

Безусловно, наиболее показательными и характеризующими развитие советской психологии в годы войны выступают *тематика и результаты научно-исследовательской и научно-практической работы*. Основное внимание естественно уделялось оборонной тематике. Одним из наиболее важных направлений научно-практической работы становится *участие психологов в восстановлении здоровья и психологической реабилитации бойцов, получивших ранения*.

Так, в планах НИР Управления эвакогоспиталей ВЦСПС на 1942 год основным направлением являлось лечение военно-травматических повреждений. Из 136 научных тем 36 было посвящено лечению огнестрельных ранений черепа, мозга и периферической нервной системы, что предполагало разработку проблем углубления и уточнения диагностики травм черепа и мозга; выявление показаний к оперативному вмешательству при поражении периферической нервной системы; определение путей профилактики и лечения раневых осложнений, включая использование методов лечебной физкультуры, восстановительной гимнастики и физиотерапии [11]. Естественно, что в решении этих задач важная роль принадлежала психологам. Непосредственно адресованными психологам являлись такие темы, как разработка методов экспертизы поражений центральной нервной системы и их лечения, а также исследование отдаленных влияния контузий на психическую сферу больных и борьба с ними [12].

Причем круг проблем, разрабатываемых в данной области, в ходе войны расширялся и конкретизировался. При этом наблюдалось возрастание психолого-психиатрической, психоневрологической и патопсихологической тематики[2]. Так, в число проблем научно-исследовательской работы в области здравоохранения на 1944 г. включаются такие темы, как психоневрологические принципы трудового обучения и трудоустройства нейроинвалидов, посттравматические психические изменения и трудоспособность больных и ряд других [13].

Еще одним направлением практической работы советских психологов в годы войны, особенно на первых ее этапах, являлась *разработка рекомендаций по психологическим основам цветомаскировки*.

В этой связи особый интерес представляет деятельность руководимой Б. Ананьевым группы сотрудников отдела психологии Ленинградского Института мозга (А.И. Зотов, З.М. Беркенблит, Р.А. Каничева и др.), перед которой была поставлена задача подготовки рекомендаций по цветомаскировке ряда зданий Ленинграда с целью их сохранения при массированных артобстрелах города. Учеными была разработана программа экспериментального исследования, которое было начато в августе 1941 г. Несмотря на трудоемкость и сложность эксперимента, большой объем полученных эмпирических данных, исследование было завершено в кратчайшие сроки, и уже зимой 1942 г. его результаты использовались в практике маскировки высотных строений города – Исаакиевского собора, Адмиралтейства и других архитектурных шедевров.

Выполнение работы в столь сжатые сроки было обеспечено, во-первых, фактически круглосуточным проведением экспериментов, во-вторых, творческим переосмыслением и использованием довоенных разработок в области цветовосприяти. Воспоминания непосредственных участниц исследования Каничевой и Ярмоленко позволяют осознать его масштаб и значимость: ведь благодаря самоотверженности ученых были сохранены бесценные памятники нашей культуры [14].

Одной из приоритетных в психологической тематике военного времени была *проблема исследования и формирования личностных качеств бойцов и командиров*, что объяснялось первостепенной ролью человеческого фактора в обеспечении эффективности военной деятельности. Следует отметить, что наряду с учеными большой вклад в решение данной задачи внесли военные специалисты, представившие обобщения непосредственно наблюдаемых ими в военной обстановке личностных проявлений и характеристик бойцов.

Среди работ данного направления особый интерес представляет цикл исследований Б.М. Теплова, посвященный личности военачальника [15]. Проведение исследования было продиктовано социальным заказом, осуществлялось автором в нелегких условиях эвакуации. В то же время эта, казалось бы, сугубо практическая задача приобретает в его работах глубоко фундаментальное звучание. Сам Теплов характеризовал свою работу как попытку «исследования в области проблемы способностей», изучения общих умственных способностей, качеств ума, «требуемых определенным видом практической деятельности». Ум полководца рассматривается им как типичный пример «практического ума». Поэтому изучение умственной работы полководца, по его мнению, имеет не только практический, но и научный интерес, является одним из оснований развития психологии мышления.

Объектом психологического анализа являлись не только военачальники, полководцы, но и командиры всех рангов и уровней. Так, Т.Г. Егоров изучал личностные характеристики командиров среднего звена, Н. Сальманов – командиров подразделений, А. Скачков – офицеров штаба.

В работах ученых и военных специалистов фактически был создан обобщенный психологический портрет бойца, включающий такие личностные свойства, как чувства чести и его достоинства [16], патриотизм и верность 45 долгу [17], отвага, мужество и героизм [18], активность, инициативность и самостоятельность в принятии ответственных решений (Ферстер Н. П., Черникова А. А., Сальманов Н.), дисциплинированность и выносливость [19].

В этом контексте представляет интерес глубокая разработка Н. Д. Левитовым проблемы воли, определяемой им в качестве стержня личности, интегрального психологического образования, концентрирующего в себе комплекс всех «силовых» личностных свойств и обусловливающего

особенности их развития и проявления. Левитов выделяет следующие характеристики волевого человека: 1) «ясность цели» и целенаправленность действий и поступков (на основе осознания правоты своего дела, величия задач, воинского долга); 2) «активность воли», проявляющаяся в решительности, смелости, инициативности при принятии решений и осуществлении действий; 3) «стойкость воли», или способность осуществлять продолжительные усилия по преодолению препятствий на пути к достижению цели; настойчивость, упорство, выносливость; 4) «организованность воли», выражающаяся в таких психологических характеристиках, как дисциплинированность, выдержка, самоконтроль, уверенность в себе и в своем деле [20].

Оригинальная теоретическая модель рассмотрения личностных характеристик в контексте их эмоциональных проявлений представлена также в работах М. П. Феофанова. Так, смелость определяется им как «одна из эмоциональных черт характера человека», проявляющаяся в таких поступках, как героизм, отвага, самоотверженность [21]. Главный акцент при раскрытии этого качества делается на изучении содержания чувственных переживаний, сопровождающих поступки человека. При этом выделяется главные группы чувств, стимулирующих смелые и решительные действия: «приятное переживание... риска или страсть к опасности», «чувство борьбы» как проявления своих сил, способностей, «радость успеха борьбы» и достижения поставленной цели (там же). Автор приводит отзывы бойцов о том, что во время боя их охватывает «радостный жар» борьбы, «боя победы» (там же), который столь велик, что порой сглаживает остроту болевых ощущений от ран, заставляет человека забыть о личной опасности, об угрозе смерти. Возбуждающее и стимулирующее воздействие на человека, оказывают также примеры героизма, приводящие к возникновению целой гаммы чувств: восхищение самоотверженным поступком, стремление подражать герою, активизация на этой основе самоуважения, гнева «как эмоции борьбы», желания отомстить за погибшего товарища.

Представляет интерес мысль Феофанова о том, что соединение смелости с другими личностными качествами приводит к образованию новых свойств. В этом контексте автором противопоставляются «безумная смелость», не учитывающая размеры реальной опасности и особенности обстановки, и смелость, выступающая в единстве с самообладанием, осторожностью, точным расчетом. Во втором случае смелость приобретает новое качество, становится мужеством. Причем системообразующим качеством этого личностного феномена выступает, согласно автору, содержание эмоциональных переживаний. Мужество оценивается как специфическое психическое состояние, при котором умственная деятельность протекает в условиях самообладания, нивелирования астенических эмоций. В качестве подтверждения он ссылается на эмпирически установленные факты, согласно которым в условиях опасности мысль особенно интенсивно функционирует именно у мужественных людей.

В работах ученых подчеркивается общественно-историческая обусловленность характера, его связь с мировоззрением, зависимость от воспитания и актуальных условий жизнедеятельности. Отсюда вытекал вывод о возможности целенаправленного формирования личности человека, акцентировалось внимание на «ответственности человека» за свой характер [22].

И хотя в подобном подходе проявлялась недооценка индивидуально-психологических предпосылок формирования характера человека, что приводило к определенной схематизации и упрощению в понимании природы этого сложного психологического феномена, несомненный научный интерес представляло обоснование деятельностного подхода в изучении личности.

Как писал в 1945 г. С. Л. Рубинштейн, именно «в конкретной деятельности, в труде, в процессе общественной практики... психические свойства людей не только проявляются, но и формируются» [23]. В признании опосредованности развития характерологических свойств и способностей человека его собственной социальной активностью, общественным бытием, отрицающем, по сути, деление людей на «низшие» и «высшие» расы на основе биологических характеристик, Рубинштейн видит подлинный гуманизм советской психологической науки.

Указанный подход был реализован и применительно к сфере военной деятельности. Так, Т.Г. Егоров подчеркивает, что процесс «отработки» характера должен происходить в непо-

средственной деятельности людей, «выковываться в борьбе с трудностями, в условиях, приближенных к особой деятельности» [24]. Военная деятельность, предъявляя к человеку специфические требования, соответственно формирует определенный набор личностных качеств воина. «Великая Отечественная война, – писал С. Л. Рубинштейн, – открыла в сердцах советских людей источники невиданного мужества и небывалого героизма. Эти качества сформировались, раскрылись, воспитались в самом ходе Великой Отечественной войны под воздействием великих целей этой войны и осознанной советскими людьми необходимости бороться за их осуществление» [25]. На это указывал и М. П. Феофанов, отмечая, что боевая обстановка – поле для проявления разных видов героизма, храбрости [26]. Н.Д. Левитов подчеркивал важность учета тех качеств бойца, «которые требуются от него в военной обстановке» [27].

Особое внимание обращалось на мотивационные аспекты деятельности бойцов, среди которых выделялись, прежде всего, моральные мотивы, общественно-значимые по своему характеру, составляющие, по словам С. Л. Рубинштейна, «самое человеческое в человеке» [28]. Причем имелось в виду не противопоставление личного и общественного, а их органическое единство, проявляющееся в том, что общественно-значимое фактически становится личностно-значимым, порождая в человеке «реальные, властные силы, более мощные, чем любые личностные влечения...». В связи с этим проблема мотивов человеческого поведения оценивается Рубинштейном «как одна из важнейших проблем советской психологии» [29].

Исследуя те или иные психологические характеристики человека, авторы не ограничивались описанием их содержания и форм проявления, уделяя серьезное внимание также рассмотрению путей и методов их формирования.

Стремлением максимально активизировать морально-психологический фактор в борьбе с врагом объяснялось и углубляющееся внимание к национальным военным традициям народа. В передовой статье журнала «Советская педагогика» в первый год войны отмечалось, что чувство советского патриотизма своими корнями глубоко уходит в историю, что оно формировалось в борьбе с многочисленными захватчиками, посягавшими на страну в прошлом. Любовь к родине и презрение к поработителям оцениваются как свойства, традиционно присущие русскому народу. В этом отношении представляют интерес работы, освещающие военные традиции русского народа [30]. В 1945 г. выходит книга А. Кривицкого «Традиции русского офицерства».

Таким образом, апеллируя к историческому опыту, психология решала задачу формирования нравственного эталона поведения человека в условиях боевой деятельности.

Следует отметить, что опыт, накопленный в этой области советскими учеными, чрезвычайно значим и актуален и сегодня, когда формирование высоких морально-духовных мотивов поведения и гражданско-патриотических установок личности становится важным фактором консолидации российского общества, сохранения его целостности и единства.

Несмотря на то, что в годы войны приоритетное место в структуре научной деятельности занимали непосредственно военные разработки, исследования, выполняемые в интересах фронта, значительное внимание уделялось и так называемой *«мирной» тематике*. Последняя была представлена прежде всего общепсихологическими и психолого-педагогическими работами. Сам факт обращения ученых в годы войны к общепсихологической и психолого-педагогической проблематике симптоматичен, свидетельствует о перспективной ориентированности научных разработок военных лет, является показателем того, что даже в военных условиях не происходило остановки в развитии исследовательской, теоретической мысли. Предметом изучения выступал фактически весь спектр психических явлений.

В ряду наиболее значимых достижений теоретической мысли военных лет можно назвать разработку Б. Г. Ананьевым проблем психогенезиса развития ощущений [31], продолжение А.Н. Леонтьевым начатых в предвоенные годы исследований возникновения чувствительности как способности элементарного ощущения [32] и разработку им проблем структуры деятельности; научное обоснование с опорой на полученные в годы войны материалы вариативности и упражняемости чувствительности органов чувств, их профессиональной дифференцированности и специализации (А.В. Ярмоленко; Р. Каничева; С.В. Кравков; С.Г. Ефаров и др.);

фундаментальные труды С.В. Кравкова «Глаз и его работа» (1945) и «Взаимодействие органов чувств» (1948); исследования Лурии, Ананьева, Ободана, Анохина в области нейропсихофизиологии; изучение проблем непроизвольного запоминания в работах П.И. Зинченко; разработку В.Н. Мясищевым проблемы психологии отношений как предпосылки развития личности в норме и патологии; подготовку С.Л. Рубинштейном во время войны второго издания «Основ психологии», удостоенного высшей Государственной награды – Сталинской премии; исследования проблем истории психологии в работах Б.Г. Ананьева, Г.С. Костюка, Н.А. Рыбникова, А.А. Смирнова, Б.Н. Теплова и многие другие разработки отечественных ученых.

К сожалению, нет возможности более детально останавливаться на освещении разных направлений деятельности советских психологов в годы войны. Но уже выше отмеченное свидетельствует о разнообразии направлений исследовательской деятельности, ее практической ориентированности и одновременно высоком теоретическом уровне.

Показателем развития в военный период теоретической мысли явилась также усиливающаяся год от года подготовка психологов высшей квалификации – кандидатов и докторов наук. В начале 1940-го г. в Москве было всего два специализированных Ученых Совета по психологии (в Московском педагогическом институте и Педагогическом институте им. К. Либнехта), а в Ленинграде – один (в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена) [33]. К концу войны, по данным А. Д. Добровой, уже только в Москве насчитывается 9 институтов, получивших право принимать к защите диссертации по психологии (Научно-исследовательский институт дефектологии, Институт физической культуры, Педагогический институт иностранных языков и другие). Характерно, что из 176 диссертаций, защищенных в 1940-1944 гг. в Москве по педагогическим наукам, 33 диссертации относилось к психологии [34]. В других городах только за 1942-1943 гг. было защищено по психологии 9 докторских диссертаций (*из 25 защищенных докторских диссертаций*) и 7 кандидатских диссертаций (*из 28 защищенных*). 8 диссертаций подготовлено к защите [35].

Таким образом, очевидно, что война не только не ослабила пульса творческой жизни психологического сообщества, но, наоборот, дала новый мощный импульс к ее развитию. Тревога за судьбу родины, стремление внести вклад в разгром врага стали источником вдохновения, стимулировали развитие творческой активности ученых.

Результатом явилось восстановление статуса психологической науки, существенно пошатнувшегося во время предвоенных идеологических дискуссий, рост ее авторитета, расширение связей с различными отраслями науки и практики.

В частности, показателем возросшего авторитета психологической науки выступает создание в годы войны ряда *новых психологических учреждений*, ставших в послевоенное время крупными психологическими центрами. В 1941 г. на базе лаборатории экспериментальной психологии Тбилисского университета организуется сектор психологии АН Грузии. В Киеве в 1945 г. создается научно-исследовательский институт психологии. В том же году в составе Института философии АН СССР под руководством С. Л. Рубинштейна организован сектор психологии – первое психологическое подразделение в рамках союзной АН СССР [36]. Знаковым событием является также открытие на философском факультете Московского университета в 1943 г. и на философском факультете Ленинградского университета в 1944 г. отделений психологии, ставших главными центрами подготовки профессиональных психологов.

Большое значение для развития психологии в нашей стране имело и создание в октябре 1943 г. Академии Педагогических наук в составе двух отделений – психологического и педагогического. Ее основными задачами являлись: научная разработка вопросов психологии и подготовка психологических кадров высшей научной квалификации. В состав комиссии по организации Академии входил С. Л. Рубинштейн. В ведение АПН был передан ряд крупных психологических институтов, в том числе Московский Институт психологии.

Изыскание государством средств на создание новых психологических центров в то время, когда на территории страны продолжалась кровопролитная воина – знак признания социальной роли и практического значения психологической науки.

Завершая обзор деятельности советских психологов в годы войны, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что их работа навсегда будет выступать для нас подлинным вне временным мерилом нравственно-духовных и гражданско-патриотических установок, примером преданности и служения своему профессиональному долгу. И в этом – залог преемственности и сохранения лучших традиций, накопленных нашей культурой и наукой.

Примечание

[1]При этом особую значимость имели работы по психологическим аспектам боевой деятельности, выполненные русскими психологами на материалах русско-японской (1905-1907) и Первой мировой войны.

[2]В начале декабря 1943 года на заседании Президиума Ученого Совета Наркомздрава СССР совместно с Правлением Всесоюзного общества невропатологов и психиатров были определены перспективные планы работы. Примечательно, что подавляющая часть планируемых предполагала участие в них психологов. Это травмы центральной и периферической нервной системы (синдромы расстроенного сознания при коммоциях и контузиях, локальные и общемозговые симптомы в клинике травматических психозов и их динамика); инфекционные и токсические заболевания центральной и периферической нервной системы (клиника постоперационных психозов, эндогенные психозы); психогении военного времени (клиника, патогенез и классификация психогений, клиника, патогенез и лечение реактивных состояний, динамика различных форм психопатий); экспертиза нервных и душевных болезней (отграничение шизофрении от реактивных состояний, диагностика и экспертиза эпилепсий); терапия психических заболеваний, лечебная помощь инвалидам Отечественной войны (методы восстановительной терапии, профилактика инвалидности, экспертиза трудоспособности).

[3]Первые публикации автора на эту тему выходят в годы войны (Теплов Б. М. Ум и воля военнослужащего // Военная мысль. 1943. №12; Теплов Б. М. К вопросу о практическом мышлении // Ученые записки МГУ, 1945. №90). В послевоенный период доработанный вариант указанной работы входит в качестве раздела под названием «Ум полководца» в фундаментальный труд ученого «Проблемы индивидуальных различий» (1961).

Литература

1. Лурия А. Р. Этапы пройденного пути. Научная биография. М., 1982. С. 129/

2. Чалмаев В. Малышев // Венок славы. М.: Современник, 1987. Т. 9. С. 303.

3. Мачавариани С. Н. Лучше и быстрее лечить раненых защитников отечества // В помощь медработникам эвакогоспиталей. Тбилиси, 1942. №6-7. С. 7.

4. Письма психологов Харьковской группы А. Н. Леонтьеву в годы войны // Психологический журнал. 1995. Т. 16. №5.

5. Я не люблю вспоминать о войне... // Психологический журнал. 1995. Т. 16, №6.

6. Лурия А. Р. Этапы пройденного пути. Научная биография. М., 1982. С. 130.

7. Письмо А.В. Ярмоленко к Р.А. Каничевой от 25 октября 1943 // Архив ИП РАН, фонд А.В. Ярмоленко.

8. Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М.-Л., 1966.

9. XXX лет Педагогического института им. Герцена :(Сб. посвящен 30-летию института. 1918-1948). Л., 1948.

10. Брушлинский А. В. Первая психологическая лаборатория в системе Академии наук СССР // Психологический журнал. М., 1995. Т. 16. №3. С. 54.

11. Хроника // Госпитальное дело. М., 1943. №2-3. С. 60.

12. О развертывании НИР в эвакогоспиталях // Госпитальное дело. М., 1942. №3-4. С. 53.

13. Основные проблемы НИР в области здравоохранения, рекомендуемые ученым Медицинским Советом НКЗ СССР на 1944 г. // Госпитальное дело. М., 1944. №1-2. С. 64-66.

14. Каничева Р. А., Ярмоленко А. В. Ленинградские психологи в годы войны // Психологический журнал. 1985. №6. С. 3-7.

15. Теплое Б. М. Ум полководца // Избранные труды: В 2-х томах. М., 1985. Т. 1. С. 223-305.

16. Пономарев И. Честь офицера // Военный вестник. 1944. №3-4. С. 40-43.

17. Корнилов К. Н. Воспитание моральных качеств // Красная звезда. 1941, 2, 5 апреля.

18. Каиров И. А. Мужество и его воспитание в наши дни // Советская педагогика. 1942. №8-9. С. 615; Коновалов Н. А. Роль эмоций в боевом действии, воинская доблесть // Советская педагогика. 1943. №7. С. 5-40; Мосиава Л. Н. Стойкость бойца и психологические основы ее воспитания // Психология. Тбилиси, 1943. Т. 2; Перов А. К. Психология смелости и страха в связи с проблемой характера: Кандидатская диссертация. М., 1945; Рамишвили Д. И. Психологическая сущность героического поступка и типология героев // Психология. Тбилиси, 1943. Т. 2; Рубинштейн М. М. Рождение героя (психологический очерк) // Советская педагогика. 1943. №10. С.43-48; Феофанов М. П. Воспитание смелости и мужества // Советская педагогика. 1941. №10. С. 60-65.

19. Мосиава Л. Н. Психология дисциплины бойца. Тбилиси, 1941; Сарычев С., Спиридонова Ф. К вопросу о воспитании боевой выносливости // Военный вестник. 1944. №9-10; Хрусталева В. А. Что читать о воспитании сознательной дисциплины // Советская педагогика. 1942. №5-6. С. 76-85.

20. Левитов Н. Д. Воля и характер бойца // Военный вестник. 1944. №1. С. 40-48.

21. Феофанов М. П. Воспитание смелости и мужества // Советская педагогика. 1941. №10. С. 60.

22. Теплов Б. М. Психологическая характеристика личности // Советская педагогика. 1945. №1-2. С. 50.

23. Рубинштейн С. Л. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Рубинштейн С. Л. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989. С. 377.

24. Егоров Т. Г. Психология. М., 1952.

25. Рубинштейн С. Л. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Рубинштейн С. Л. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989. С. 390.

26. Феофанов М. П. Воспитание смелости и мужества // Советская педагогика. 1941. №10. С. 60-65.

27. Левитов Н. Д. Воля и характер бойца // Военный вестник. 1944. №1. С. 40.

28. Рубинштейн С. Л. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Рубинштейн С. Л. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989. С. 394.

29. Рубинштейн С. Л. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны. С. 392.

30. Коробков Н. Национальные черты русского военного искусства // Под знаменем марксизма. М., 1943. № 7-8. С. 27-40; Пигарев К. Солдат – полководец: Очерки о Суворове. М., 1943.

31. Ананьев Б. Г. К психологической теории ощущений. // Научная конференция психологического отделения философского факультета. ЛГУ. Л., 1945. С. 5-8.

32. Леонтьев А. Н. К вопросу о генезисе чувствительности // Сборник, посвященный 35-летию научной деятельности Д. Н. Узнадзе. Тбилиси, 1944.

33. Медынский Е. Н. О диссертациях по педагогическим наукам // Советская педагогика. 1941. №6. С. 40-48.

34. Доброва А. Д. Указатель диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора психологических наук, защищенных в педагогических и научно-исследовательских институтах г. Москвы за 1940-1944 гг. // Советская педагогика. М., 1945. №5-6. С. 62-63.

35. Доброхотов С. П. О научно-исследовательской тематике кафедр педагогики педагогических институтов // Советская педагогика. 1944. №2-3. С. 47.

36. Брушлинский А. В. Первая психологическая лаборатория в системе Академии наук СССР // Психологический журнал. М., 1995. Т. 16, №3. С. 53-60.